

начала 2000-х не то же самое, что сейчас. Но обучение студентов — это же не только методики. Это его содержание. И сами знания, ценность которых никто не отменял. Когда мы читали лекции вам, мы нередко пересказывали учебники. Теперь мы не просто транслируем стандартное представление о том, что в той или иной дисциплине должно быть, мы основываемся на своём исследовательском опыте, накопленном за 20 лет.

— Если подвести итог, что является продуктом образовательной деятельности?
— Не люблю использовать термины, которые реформаторы диктуют нам в своих выступлениях, в законе об образовании, других нормативных актах. Долго принимала для себя слово «компетенции» и теперь рассматриваю его очень

утилитарно: что знают, что умеют, что могут делать. Мы вас этому тоже учили. Что не озвучивалось 20 лет назад, так это то, насколько эти сформированные компетенции позволяют выпускнику быть адаптивным в современном мире. Повторюсь, история с образованием не происходит здесь и сейчас. Для родителей, для государства образование — это не покупка услуги, а инвестиция в будущее. Всё, за что я готова или вынуждена платить как мама, воспринимаю как инвестицию в будущее своего ребёнка. Может быть, это пригодится. А может быть, и нет. Может быть, это пригодится быстро. А может быть, годы и даже десятилетия спустя.

— Да, образование — это инвестиционный проект, не предполагающий отдачи. Оценить риски сложно, особенно сейчас. Все вокруг только и делают, что составляют списки навыков и компетенций, которые будут востребованы через 5, 10 и более лет.

— Разговоры о востребованности тех или иных навыков и компетенций в будущем — это нередко игра в слова. Слыша в очередной раз об «Атласе новых профессий», составленном «Сколково» в сотрудничестве с кем-то, улыбаюсь.

Да, об этом можно и, наверное, нужно рассказать, чтобы задумались, но не более того.

— Вы бы хотели, чтобы ваш ребёнок обучался на историко-политологическом факультете ПГНИУ?

— Своему ребёнку я не посоветую наш истфак по двум основаниям. Безумно трудно быть доцентом, профессором в университете, когда твой ребёнок у тебя учится. Ещё более сложно для самого ребёнка. Сама пережила такой опыт в конце 1980-х годов, когда моя мама временно замещала учителя химии у нас в школе. Я достаточно жёсткий преподаватель и к своему ребёнку

Умение говорить просто — это навык, который, на мой взгляд, востребован современным российским обществом. Другой навык — умение писать просто

буду предъявлять ещё большие требования, чем к другим. Второе основание, почему не наш истфак, потому что вижу: он не гуманитарий и у него не проявляются те склонности, которые нужны для того, чтобы зайти на это поле. Но факультет и вуз в любом случае выбирать будет он. Спросит совета — отвечу. Если у меня есть возможность создать ему условия для изучения иностранного языка, для занятий спортом, я это делаю. Есть возможность ходить в какой-то кружок — пусть ходит. Несколько лет он занимался информатикой, потом сказал, что больше не хочет. Решила для себя: хорошо, это академический отпуск, надеюсь, всё-таки вернётся. Но за что бы я ни платила, я понимаю, что инвестирую в долгую, и не знаю, какие будут результаты.

— А почему вы сами в своё время поступили на истфак, с детства интересовались историей?

— Есть несколько моментов, которые, наверное, обусловили мой выбор.

Я очень люблю читать. Моя мама — химик, моя сестра — врач. Читать любят, но значительно меньше. Я же всегда читала взахлёб. Это первое. В нашей семье гуманитариев «полтора Ивана»: мой дед по отцовской линии, который был учителем истории, да я. Возможно, в некотором смысле сработали гены. Несмотря на то что в средней школе мне не везло с учителями истории, она мне нравилась. А дальше — стечение обстоятельств. Первый класс я отучилась в школе неподалёку от дома, которая была переполнена. Во второй класс перешла во вновь построенную, очень современную по меркам 1984 года школу, куда набрали феерический пед-

состав. У нас были сильнейшие математики. Один из учителей впоследствии перешёл в школу №146. Физики, биологи, географы были классные. С химиками повезло чуть меньше. Своим багажом знаний я обязана в основном той школе. Однако в какой-то момент что-то пошло не так, педсостав стал распадаться, и к девятому классу я поняла, что нужно уходить, иначе не будет будущего. Старшую школу я окончила в 1993 году, из нашей параллели единицы получили высшее образование. Оно просто не котировалось тогда. Но в нашей семье его ценность безусловная. В итоге после девятого класса я поступила в лицей №2 при нашем университете. Как сейчас помню, набирали гуманитарный класс с двумя профилями — по истории и по литературе. Когда я прочитала вопросы по литературе, у меня возникла мысль, которую сейчас я формулирую таким образом: «тургеневские девушки в романах Гончарова», и внутренняя тоска